

«В царстве другого царства быть не может». Вассальные владения в составе России (XVII – начало XX в.)

Вадим Трепавлов

«In a kingdom there cannot be another kingdom».

Russia's protectorates from the seventeenth to the early twentieth centuries

Vadim Trepavlov (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences)

В составе Российского государства на протяжении нескольких столетий существовали территориальные подразделения с неодинаковым юридическим статусом. К концу имперской истории, в XIX – начале XX в. наряду с губернско-уездным делением в нём имелись казачьи войска, горные и пограничные округа, протектораты. Ранее существовали ещё и «царства» на месте завоеванных татарских ханств, а также различные вассальные владения. Подобная «много-слойность», очевидно, характерна вообще для имперской государственности. Конечно, не следует приписывать её гибкости и мудрости правительства: такая конструкция явилась порождением исторического развития и складывалась по мере пространственного разрастания России. Инкорпорация народов и регионов в состав страны могла растянуться на длительный срок.

От формального акта присоединения до «растворения» региона в губернской структуре кое-где ещё оставались рудименты прежнего независимого развития. Это были, в том числе, и правители владений, утративших независимость и включённых в сферу российской государственности. Взойдя на престол или получив грамоту на княжение, они принимали обязанности по управлению подвластным населением, брали на себя ответственность за его *благоденствие* (популярное понятие в XIX в.) и лояльность к российской верховной власти. Можно заметить, что такие владения с течением времени постепенно – одни быстрее, другие медленнее – утрачивали степень автономии, остатки бывшего суверенитета. Неизмеримо более слабые по сравнению с гигантской империей, они были обречены на полное поглощение ею. Все эти владения (условно назовем их вассальными¹) ожидала в составе России общая судьба: постепенное уменьшение самостоятельности, нарастание зависимости от государственной власти и в конце концов упразднение. Как формулировалось в секретном наставлении Екатерины II генерал-прокурору А.А. Вяземскому 1764 г. по поводу

© 2015 г. В.В. Трепавлов

Статья подготовлена при поддержке РГНФ, проект № 15-31-14001а(ц).

¹ Может быть, в данном случае этот термин из европейского Средневековья не совсем адекватен, но Екатерина II пользовалась им: «Царя карталинского и кахетинского, яко вассала нашего, обязаны мы защищать противу неприятных на него покушений» (письмо начальнику Кавказской линии И.В. Гудовичу) (цит. по: *Дубровин Н.Ф.* Георгий XII, последний царь Грузии, и присоединение её к России. СПб., 1867. С. 36).

ликвидации гетманства, «должно стараться, чтобы вес и имя гетманов исчезли, не токмо персона какая была произведена в оное достоинство»². Административно-юридические различия подобных «неканонических» подразделений постепенно стирались, а при Николае II была сформулирована задача добиться «слияния окраин с основной территорией».

Интегральная формула восприятия вассальных государственных образований в составе России выражена в резолюции Николая I на докладе министра государственных имуществ П.Д. Киселёва о Букеевской Орде в 1844 г.: «В царстве другого царства быть не может»³. В самом деле, трудно считать квазимонархии, покровительствуемые русским правительством, полноценными царствами. Их автономия долго или коротко (как у грузин⁴) тлела и неизбежно угасала. Только среднеазиатские ханства-протектораты избежали этой участи, поскольку сама империя их не пережила.

Статус вассального правителя мыслился таким образом, чтобы сочетать его покорность самодержцу с традиционными нормами правления. Подобная схема отношений давно сформировалась в российских геополитических проектах. Ещё при Екатерине II при замысле возродить армянскую монархию после планируемого разгрома османов готовили договор с будущим (но так и не состоявшимся) царём. В сохранившемся наброске договора, составленном на армянском языке, армяне признавались подданными России «на тех же условиях, как некогда были подданными Греции (Византии. – *В.Т.*) и Персии», т.е. им следовало отчислять России часть податей, добытого в Армении золота и серебра и помогать в случае войны. Царь же армянский «должен держаться армянских законов (армяно-григорианского вероисповедания), и будет он коронован в святом Эчмиадзине по примеру прежних царей Армении»⁵.

Именно на таких условиях оставались на своих престолах хивинский хан и бухарский эмир. Американский журналист Я. Мак-Гахан, очевидец русского завоевания Хивы, чётко и кратко (в привычном для него стиле репортажа) охарактеризовал положение проигравшего войну хана в империи-победительнице и резоны установления российского протектората: «Он теперь не может

² Цит. по: *Маркевич А.И.* Южная Русь при Екатерине II. Одесса, 1893. С. 14.

³ История Букеевского ханства. 1801–1852 гг.: Сборник документов и материалов. Алматы, 2002. С. 875. Букеевская Орда (Букеевское ханство, Внутренняя Орда) – вассальное казахское ханство в междуречье Урала и Волги в 1801–1876 гг.

⁴ Лишь в самое первое время после Георгиевского трактата 1783 г. грузинские цари имели возможность продемонстрировать своё августейшее достоинство при петербургском Дворе. Имперетинский царь Давид II и картлий-кахетинский царь Ираклий II числились в ряду «владельцев... европейских государей», а представитель («полномочный министр») последнего уравнивался с послами Голландии, Франции, Испании и др. (см.: Алфавитный указатель, приложения и дополнения к камер-фурьерскому журналу 1786 года. СПб., 1886. С. 33; Камер-фурьерский церемониальный журнал 1788 года. СПб., 1887. С. 42 (приложение); Камер-фурьерский церемониальный журнал 1794 года. СПб., 1896. С. 9, 10 (приложение). В придворных реестрах конца 1770-х гг. ещё нет свидетельств о столь высоком статусе грузинских царств. В XVII в., пока действовала местническая система, номинальный ранг вассального касимовского царя расценивался тоже высоко. В 1616 г. стольник Н. Вельяминов, назначенный встречать посла английского короля, посчитал свою честь ущемлённой перед боярином П. Годуновым, на которого возложили встречу касимовского царя. Вельяминов жаловался, что Годунов незаслуженно поставлен выше него (*Вельяминов-Зернов В.В.* Исследование о касимовских царях и царевичах. Ч. 1. СПб., 1866. С. 16). Следовательно, касимовец в правление Михаила Федоровича почитался больше заморского посланника.

⁵ Участие армян в завоеваниях России в Закавказье // Тифлисский вестник. 1877. 15 июля. С. 1, 2.

сделать шаг без разрешения русских, и вместе с тем на нём лежит ответственность правления. Все преимущества такого соглашения на стороне русских. Они получают около двух третей доходов ханства без всяких хлопот и издержек, сопряжённых со сбором податей, страна до такой же степени в их власти, как если бы была присоединена к России, и русские торговцы могут проходить по ней так же свободно, как по собственной стране. Такое положение дел для России гораздо выгоднее полного занятия страны»⁶.

Другой современник, петербургский профессор-юрист, с откровенным пренебрежением, путая титулатуру, высокомерно обронил: «Война закончилась полным поражением хивинских войск. Столица эмира (хана. – В.Т.) была завоевана, и сам он должен был считать себя счастливым, что ему обратно возвратили часть его владений (здесь и далее курсив мой. – В.Т.)»⁷. «Возвратили», заметим, только территорию по левому берегу нижней Амударьи; на правобережье образовали особый Амударьинский отдел. В массовом сознании жителей России формировался образ азиатских протекторатов как покорных данников. «Теперь Бухара и Хива находятся в зависимом отношении к России и платят ей дань», – сообщала широкому читателю десятикопеечная книжка из серии «Народное чтение»⁸.

На иерархической лестнице вассальные правители с вершины власти, с прежнего независимого состояния, спускались до положения подданных и даже слуг русского царя. В этом они, кстати, не гнушались открыто признаваться. «Азъ и царь, да ему, государю, покорень и слуга волный», – объяснял касимовский царь Шах-Али своё соотношение с Иваном IV черкесскому собеседнику⁹. О хивинском хане в Гендемианском договоре 12 августа 1873 г., который подвёл черту под завоеванием Хивы, говорилось, что он «признает себя покорным слугою императора всероссийского»¹⁰.

В политическом лексиконе Московского государства XVI–XVII вв. подчинённое положение знатного и служилого человека выражалось термином «холоп» (для простонародья чаще применялось обозначение «сироты (твои государевы)»). Выполняя по необходимости поручения, идущие от Высочайшего имени, вассальный правитель становился в один ряд с русскими холопами: князьями, боярами, дворянами. В 1636 г. состоялась примечательная дискуссия между монгольским Алтын-ханом и русскими послами, предлагавшими ему объявить в шерти о своём холопстве по отношению к московскому царю. Хан заявил: «В холопстве-де мне, Алтыну-царю, великому государю шерти дать велеть не уметь, потому что... то бесчесно, и то... слово холопство лъзя ль переменить инак?» Послы отвечали: «А Алтын бы царь в том не сумневался, что ему то слово видитца бесчесно, что великий государь к нему, Алтыну-царю, пишет холопом. Многие государства учинились под ево государевою царскою высокою рукою, и кого государь, жалуючи, пишет холопом, то ему честь, а не бесчестье»¹¹. Действительно, статусное самочувствие служилых царей и царе-

⁶ Мак-Гахан Я. Военные действия на Оксусе и падение Хивы. М., 1875. С. 295.

⁷ Мартенс Ф.Ф. Россия и Англия в Средней Азии. СПб., 1880. С. 54.

⁸ Кологривов Ю.В. Русские владения в Средней Азии. СПб., 1894. С. 17.

⁹ Повесть о женитьбе Ивана Грозного на Марии Темрюковне // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 16. СПб., 2010. С. 21. Впрочем, данный текст нельзя привлечь для реконструкции отношений эпохи Ивана Грозного, поскольку это не подлинный монолог Шах-Али, а художественный домысел русского провинциального анонимного автора второй половины XVII в.

¹⁰ Под стягом России: Сборник архивных документов. М., 1992. С. 348.

¹¹ Русско-монгольские отношения. 1636–1654: Сборник документов. М., 1974. С. 39.

вичей не страдало от их «холопства». Один из них в 1609 г. писал из Тушинского лагеря Лжедмитрия II: «Великого государя, царя и великого князя Дмитрия Ивановича всеа Руси *его государев холоп*, касимовский *царь* Уразмогмет, братцу моему, пану Яну Петру Павловичю Сапеге... челом бьет»¹². Этот царь ставил себя вровень с «братцем» польско-литовским вельможей, оставаясь при этом государевым холопом.

Внешнее признание традиционных прерогатив «иностранцев» не препятствовало приравниванию их к сонму прочих россиян. Комментируя просьбу казахского хана перейти р. Яик со стадами, Екатерина II в 1763 г. писала канцлеру, на первый взгляд милостиво, но за этой благосклонностью видится жёсткий сословный строй самодержавной монархии: прошение можно удовлетворить, ведь хан «признается за подданного России, следовательно, он послушен будет и не пойдет со своим скотом, где им заказано, понеже всякий российский подданный не смеет переходить, где ему не позволено»¹³.

Букеевские ханы действительно не подавали Петербургу повода для недовольства, смиренно принимая все идущие оттуда административные нововведения. Стоило в 1838 г. объявить, что Букеевская Орда переходит из подчинения МИД в ведение Министерства государственных имуществ, как её хан Джангир собрал родоначальников и объявил, что эта мера, дескать, есть «новый залог внимания его императорского величества к подвластному мне народу» и предпринята «для пользы ордынцев»¹⁴. При этом букеевцы встраивались в многоступенчатую бюрократическую пирамиду николаевской империи: кроме столичных министерств надзор за ними осуществляли сразу две локальных инстанции – оренбургский военный губернатор и Оренбургская пограничная комиссия. Официальное объяснение переподчинения заключалось во «всегдашнем попечении государя императора о благе всех верноподданных... и это распоряжение сделано его величеством для пользы самих киргизов (т.е. казахов. – *В.Т.*)»¹⁵. В действительности же включилось действие тенденции к унификации, и Букеевская Орда сделала ещё один шаг к уравниванию с остальной территорией империи, разделённой на губернии. Проще говоря, постепенно готовилась ликвидация института ханской власти в Орде.

Точно такой же шаг к будущему упразднению ханства сделал в начале 1790-х гг. хан казахского Среднего жуза Вали, когда дал письменное обещание, что «без согласия с пограничным начальством сам ничего в орде предпринимать не станет, и тем обеспечено будет спокойство»¹⁶.

¹² Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. Т. 2. СПб., 1841. С. 192, 195, 247.

¹³ Именные указы государыни императрицы Екатерины II // Тургайская газета. 1896. 6 ноября. № 97. С. 2.

¹⁴ Цит. по: Зиманов С.З. Россия и Букеевское ханство. Алма-Ата, 1982. С. 98.

¹⁵ Котельников А.Н. Иностранческий вопрос в России // Наблюдатель. 1897. № 6. С. 86. Киргизы (киргиз-кайсаки) – прежнее русское название казахов.

¹⁶ Цит. по: Ерофеева И.В., Урашев С.А. Политика царизма в Среднем жузе в освещении русских учёных и путешественников второй половины XVIII – первой половины XIX века // Социально-экономические и политические предпосылки и прогрессивное значение присоединения Казахстана к России. Алма-Ата, 1981. С. 96. Ханская власть у казахов в составе Российской империи эволюционировала от института к должности и от должности к ликвидации. Должность ликвидировалась вышестоящими государственными инстанциями, а институт отмирал из-за изменения социально-экономических условий. Об этом см.: Быков А.Ю. Российская правительственная политика в степных областях и трансформация традиционного казахского общества (1731–1917 гг.). Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 2006. С. 35.

Хотя сам *генерал-майор* Джангир мог быть спокоен за своё будущее. Абсолютное послушание, увлечение европейским образом жизни и просвещением, умилявшее русских современников, не остались без вознаграждения. После официального упразднения Букеевского ханства в 1876 г. ханскому семейству (сам Джангир умер в 1845 г.) были оставлены проценты с капитала в 150 тыс. руб., всё движимое и недвижимое имущество, и даровано потомственное дворянство¹⁷. Собственно, такова была судьба многих правителей владений, присоединённых к России. Они тоже получали почётную отставку в генеральских званиях, иногда сохраняя личные традиционные титулы. В компенсацию за отмену налогов и повинностей в их пользу им полагались щедрые единовременные пособия и пожизненные пенсии.

Такие правители послушно выполняли предписания российского руководства, хотя самоощущение их, лишённых суверенитета, едва ли было комфортным – и перед лицом исконных подданных, и перед заезжими иностранцами. Но, во всяком случае, внешнее достоинство соблюдалось. Французский путешественник, барон Б. Бенуа-Мешэн, передал свои впечатления от встречи с бухарским эмиром в 1883 г.: «Перед эмиром чувствуешь себя лицом к лицу с владетельною особой, которому несчастье (русское завоевание. – В.Т.) нанесло сильные удары, не унизив его; при этом сознаёшь, что хотя дни славы и могущества и прошли, но эмир всё-таки не шуточный негритянский король, одетый в генеральский мундир, а представитель знаменитого рода, прямой потомок Тимура и Абдул-хана»¹⁸. Собственно, как раз у эмира Сеид-Музаффара, как и у его преемников, имелись обстоятельства, смягчающие их зависимое положение в России: значительные банковские счета, собственный дом в Петербурге, особняк на южном берегу Крыма, постоянно благожелательный приём в царской семье и т.д.

В обращениях и титулатуре выдерживалась субординация. После установления протектората туркестанский генерал-губернатор К.П. Кауфман обращался к эмиру Сеид-Музаффару в письмах «Ваше степенство». После первого визита в Петербург его преемник Сеид-Абдул-Ахад удостоился «Вашей Светлости»; затем эмир последовательно обретал степени «Вашего Превосходительства», «Вашего Высокопревосходительства» и, наконец, в 1913 г., по случаю 300-летия Дома Романовых, превратился в «Ваше Высочество» (хивинский хан тогда же стал «Вашей Светлостью»)¹⁹.

Фактическое положение таких правителей не позволяло им свободно и по каждому поводу общаться с государем. Повседневные контакты налаживались у них с региональной администрацией. В силу близкого соседства и знания внутреннего состояния «иностранческих» владений она зачастую играла большую роль в их жизни, чем далёкие столичные инстанции. И отношения с губернаторами, пограничными воинскими и прочими начальниками у подвластных предводителей выстраивались соответствующие.

¹⁷ Иванов И.С. Джангер, хан Внутренней киргизской орды // Астраханский листок. 1895. 10 ноября. № 247. С. 3.

¹⁸ Бенуа-Мешэн Б. Путешествие через Туркестан // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. Вып. XVI. СПб., 1885. С. 186. В отношении предков своего героя барон ошибся: эмир принадлежал к династии Кунграт и не имел родственных связей с Тимуром / Тамерланом и бухарским ханом XVI в. Абдулло II.

¹⁹ РГИА, ф. 473, оп. 3, д. 538, л. 26; Бартольд В.В. История культурной жизни Туркестана // Бартольд В.В. Сочинения. Т. II. Ч. 1. М., 1963. С. 424; Глуценко Е.А. Россия в Средней Азии: Завоевания и преобразования. М., 2010. С. 283, 284.

Впрочем, это зависело от самоощущения и реального объёма власти у правителя. Скажем, калмыцкий хан Аюка в XVII – первой четверти XVIII в. считал себя привилегированной особой и свои послания к астраханским воеводам и губернаторам называл указами (и те принимали их). Более того, в воеводских обращениях к хану конца XVII в. сквозило уничижение, неподобающее, казалось бы, представителям московского государя: «Их царского пресветлаго величества подданному слуге и моему добродетелю хану Аюке тайше Мунчакову астраханский меньший воевода Иван Волков челом бьет». Правда, столь откровенное заискивание объяснялось тогда конкретным обстоятельством – необходимостью выпросить у хана провожатых для возвращавшегося из Кабарды русского посольства. Но всё же характер взаимоотношений здесь оказывался перевернут с ног на голову: не Аюке обещалась награда в виде государева жалованья, а выполнение им просьбы воевода считал ханским жалованьем себе («я твоего жалованья не забуду»)²⁰.

Такие странные отношения продолжались до тех пор, пока очередной нижеволжский наместник А.П. Волинский не счёл их неприемлемыми. Он отправил офицера в кочевую ставку Аюки с непрочитанным письмом от него и с увещеванием, что писать указы для хана – «не что иное, токмо один стыд». Хан попытался было увести спор в лингвистические детали (в калмыцком языке-де слова, «приказ» и «указ» – «невеликие, а великое толкуется “повеление” и кроме Бога и его царского величества другого повелителя никакого нет»), но в итоге внял отповеди и перестал озаглавливать свои письма повелительным «указ»²¹. Его внук, хан Дондук Даши, в 1740-х гг. действовал уже совсем в иной тональности и подписывал свои послания к астраханскому губернатору «Ваш младший брат» (*тани инаг дөү*)²².

Насчёт хивинского хана туркестанский генерал-губернатор М.Г. Черняев докладывал, что тот «считает себя не более как нашим уездным начальником, сами мы относимся к нему не иначе»²³. По существу, хан лишь выполнял волю царского наместника – реального правителя края, а за нерасторопность получал от того выговоры, хотя в несколько необычной, вежливой форме. Часто враждовавшие между собой среднеазиатские владения обретали в лице генерал-губернатора арбитра, который выполнял функцию третейского судьи, улаживая, в частности, территориальные споры. Относительно слабое и бедное ресурсами, отдалённое от основных коммуникаций Хивинское ханство в глазах правительства имело меньшую экономическую и геополитическую ценность по сравнению с Бухарским эмиратом, где в 1885 г. было учреждено постоянное российское представительство – политическое агентство. Оно включилось в управление протектируемым владением и опутало его высших управленцев мелочной опекой. *Кушбеги-и боло* (первый помощник эмира в повседневных государственных делах) ежедневно получал от политического агента от двадцати до сорока депеш, на которые был обязан отвечать²⁴.

²⁰ Письмо астраханского воеводы Ивана Волкова к калмыцкому хану Аюке // Временник Московского общества истории и древностей российских. Кн. 5. М., 1850. Смесь. С. 28.

²¹ Пальмов Н.Н. Очерк истории калмыцкого народа за время его пребывания в пределах России. Элиста, 1992. С. 55.

²² Сусеева Д.А. Письма калмыцких ханов XVIII века и их современников (1713–1771 гг.): Избранное. Элиста, 2009. С. 625, 626, 631, 632, 642, 645, 646, 651, 652. Однако это, кажется, не было характерно для других калмыцких ханов.

²³ Цит. по: Глуценко Е.А. Указ. соч. С. 283.

²⁴ Тухтаматов Т.Г. Россия и Бухарский эмират в начале XX века. Душанбе, 1977. С. 15.

Господство империи и дотошный контроль приезжих начальников порождали у местных жителей скрытое неприятие. Однажды русский чиновник встретил обычный почётный приём в доме некоего бухарского бека. После пышной приветственной речи на узбекском языке хозяин сменил язык, полагая, что гость и его переводчик не понимают по-таджикски, и произнёс: «Вот до чего мы дожили, что должны унижаться перед этими неверными собаками!»²⁵ Конечно, при некотором самоуничижении (не искреннем, а показном, диктуемом стилем поведения с русскими победителями) трудно было ожидать иного отношения со стороны местной традиционной элиты.

При этом формальный дипломатический этикет всегда соблюдался. К эмиру и хану направлялись многолюдные посольства из Ташкента – центра генерал-губернаторства, и встречали их с подобающим пиететом. Посланников осыпали деньгами и подарками, но старались окружить подготовленными людьми, чтобы скрыть истинное положение в крае. В Бухаре первое время пробовали сохранить хотя бы внешние, столь значимые на Востоке, символы суверенитета. Пытались настаивать на том, чтобы послы выходили из экипажа или спешивались посреди городской площади и на виду у народа следовали во дворец пешком, в одних мундирах (даже зимой); эмир приветствовал их, сидя на троне (а сразу после завоевания при появлении русских, даже невысоких чинов, он спешил к двери зала-*саломхона* и встречал их у входа)²⁶. Однако эти требования были отвергнуты российской стороной.

Между тем пристальный присмотр за делами мусульманских протекторов выглядел более чем пристойно, по сравнению с вызывающим поведением статского советника П.И. Коваленского, который в 1799 г. был назначен резидентом (министром) при тифлисском дворе²⁷ – одно из не соблюдавшихся раньше условий Георгиевского трактата. Вняв настоянию царя Георгия XII из-за персидской угрозы, Павел I решил всё же назначить имперского представителя в покровительствуемое Картли-Кахетинское царство. Ожидавшие помощи, поддержки и солидарности от России грузины были неприятно поражены манерами приезжего функционера. По приезду в столицу Картли Коваленский не счёл нужным представиться Георгию. Тот ежедневно присылал справляться о его здоровье, ясно давая понять желательность встречи. Коваленский же делал вид, что не понимает намёка, и всякий раз отправлял посланцев назад с кратким ответом: здоров, мол. Наконец он решил посетить дворец, объявив наперёд, чтобы для него приготовили кресло. Явившись в Метехский замок в шубе, шапке и тёплых сапогах, он, не раздеваясь, развалился в этом кресле и так говорил с царём – как передают очевидцы, дерзко и пренебрежительно. Затем Коваленский в том же наряде направился к царице Мариам, где объявил, что настал-де «адмиральский час», и потребовал себе водки. Вздорный и капризный, он возмущался, отчего в Тифлисе ему,

²⁵ Раевский Н. Наши отношения к среднеазиатским ханствам // Голос. 1872. 11(23) ноября. С. 4.

²⁶ Крестовский В.В. В гостях у эмира бухарского. СПб., 1887. С. 136.

²⁷ Назначение резидентов при вассальных правителях представляло собой явление иного плана, чем контроль со стороны провинциальных российских наместников. Непосредственное присутствие таких надзирателей-соглядатаев было признано полезным ещё в 1730-х гг. Указ Анны Иоанновны 1734 г. предписывал «в ордах новоприсоединенных народов при самих ханах всегда содержать от себя надежных людей» для контроля над ситуацией (Казахско-русские отношения в XVIII–XIX веках (1771–1867 годы): Сборник документов и материалов. Алма-Ата, 1964. С. 115).

гражданскому чиновнику, не оказываются воинские почести. В ответ на жалобы и недоумение грузин кавказский главнокомандующий князь П.Д. Цицианов (разделявший чувства своих соплеменников) решил отстранить этого одиозного деятеля от грузинских дел. Тот принялся было обходить самых высокородных аристократов, включая царицу, обещая огромные суммы за ходатайство перед императором, якобы они не желают никакого другого министра²⁸, но ничего от них не добившись, через год вынужден был покинуть Закавказье.

Одним из принципов существования вассальных царей, ханов и князей в Российском государстве была выплата им регулярного денежного жалования. Оно служило некоторой компенсацией им за утерятый сюзеренитет над бывшими владениями. Так и оценил ситуацию шведский дипломат, увидев на придворном балу в Петергофе в 1846 г. грузинских князей: «Эти князья получают *пенсию от императора*, так как он присоединил их страну к своему скипетру»²⁹. Размеры «пенсии» отличались в разное время и в зависимости от благодетельствованных персон, и подробный анализ сумм и оснований для выплат во всех этнических регионах России должен составить предмет отдельного исследования.

Окладное жалованье давалось обычно деньгами. Лишь высшие лица Гетманщины в XVII в. получали его в качестве дорогой одежды. Калмыкам вдобавок к деньгам посылали ржаную муку и боеприпасы (порох, свинец, железо). В добавление к высоким воинским званиям всё это создавало основу для безбедного и социально престижного существования. К тому же за особые заслуги или для стимулирования активности (например, чтобы охотнее выступали в военный поход) полагалось разовое вознаграждение. А последний картли-кахетинский царь Георгий XII планировал выставить условиями за отказ от трона, помимо 200 тыс. руб. ежегодного пособия, пожалование ему 30 тыс. душ крепостных крестьян (причём в России, а не в Грузии) и пенсион для его многочисленных братьев. Правда, эти непомерные запросы, кажется, не были доведены до Павла I; о них стало известно из черновика, найденного в бумагах Георгия его сыном³⁰. Хотя теоретически восточно-грузинский монарх имел основание надеяться на их удовлетворение, так как были прецеденты содержания за счёт казны вдов скончавшихся вассальных правителей. Наряду с «премиальными» вознаграждениями практиковалась и задержка жалования – в случае провинностей его получателя. Так, казахскому хану Нурали в течение пяти лет не посылали денег, ожидая, пока он освободит русских полоняников³¹.

Российская этническая политика не предусматривала целенаправленной аккультурации народов, если понимать последнюю как процесс *взаимного* влияния культур. Внедрение же европейских культурных образцов и бытового уклада через просвещение и прививание технических новинок (в условиях Российской империи для большинства населения это были стандарты русской городской жизни) происходило или по воле энтузиастов-просветителей и мис-

²⁸ Берже А.П. Присоединение Грузии к России (1799–1831 гг.) // Русская старина. 1880. Т. 28. С. 6, 8, 15, 16; Дубровин Н.Ф. Указ. соч. С. 71, 72, 140, 141.

²⁹ Цит. по: Выскочков Л.В. Будни и праздники императорского двора. СПб., 2012. С. 286.

³⁰ Берже А.П. Указ. соч. С. 173.

³¹ Левшин А.И. Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких, орд и степей. Алматы, 1996. С. 233.

сионеров, или в ходе общения элитных слоёв русских и «иностранцев». Одним из проявлений такого культурного общения стало строительство домов для вассальных владетелей.

О петербургском доме и крымской даче эмира Бухары уже упоминалось. В верховьях р. Ишим за счёт казны выстроили дом для хана Среднего жуза Аблая³². На коронационных торжествах в Москве в 1826 г. Николаю I представили букеевского хана Джангира с женой Фатимой. Ханша приятно удивила двор. Дочь оренбургского муфтия, европейски образованная, владеющая иностранными языками и искусством музицирования, Фатима держала себя свободно среди изысканной столичной публики, танцевала на балу. Император решил, что такой даме не подобает проживать в кочевой кибитке и выделил 10 тыс. руб. на постройку дома для неё. На эти деньги в Нарынских песках стала возводиться ханская ставка. Через год деревянный дом для ханской семьи был готов. Со временем он стал тесен, поскольку служил не только жилищем Джангира с семьей, но и канцелярией, «офисным» помещением для советников. Джангир выпросил дотацию на более просторную резиденцию. «По особенному Высочайшему соизволению», на выделенные из казны 35 тыс. руб. откомандированный из Оренбурга инженер спроектировал и построил новый дом³³.

Личные контакты «царей подвластных» с самодержцами не ограничивались милостивыми пожалованиями. С большинством вассалов связи были сугубо официальными и краткими, во время визитов в столицу, аудиенций и представлений. В екатерининское время появление при дворе казахских ханов откровенно считалось необязательным: «Хотя хан для ежегодного свидания приезжать и не обязан, но письма ежегодно присылать должен»³⁴. Исключения, однако, бывали. Тепло принимали при дворе последнего польского короля Станислава Понятовского, который после ликвидации Речи Посполитой обрел пристанище в Петербурге. Там он жил «в своих комнатах» и до своей смерти в 1798 г. часто общался с Павлом I и Марией Фёдоровной, сопровождал их на прогулках и выездах, составлял компанию в карточных играх и просмотрах театральных представлений. Во время застолий ему отводилось место между царственными супругами, при официальных шествиях он, в длинной горностаевой мантии,

³² Броневский М. Записки о киргизах Средней Орды // Отечественные записки. 1830. Ч. 21. Кн. 119. С. 418.

³³ Иванов И.С. Указ. соч. // Астраханский листок. 1895. 14 сентября. № 201. С. 2; Киттары М.Я. Ставка хана Внутренней киргизской орды // Журнал Министерства внутренних дел. 1849. Ч. 28. С. 108, 110; Сабанчиков М. Рын пески // Заволжский муравей. 1832. Ч. II. № 12. Июнь. С. 662; Харузин А.Н. Киргизы Букеевской Орды (антрополого-этнологический очерк). Вып. 1. М., 1889. Стб. 78. Да и сам Джангир, получивший воспитание в доме астраханского губернатора С.С. Андреевского, не чурался некоторых достижений европейской цивилизации и российской культуры: носил казачий мундир с генеральскими эполетами, основал в своей ставке светское училище для казахских детей, ездил отдыхать на Кавказские минеральные воды. Казанский университет сделал его своим почётным членом, «целя его знания и полезное содействие». В свои поездки в российские города он брал приближённых, чтобы они знакомились с передовым жизнеустройством (Иванов И.С. Указ. соч. // Астраханский листок. 1895. 24 августа. № 185. С. 3; История Букеевского ханства... С. 830; Казанцев И. Описание киргиз-кайсаков. СПб., 1867. С. 216; Сухих О.Е. Империя напоказ, или имперский опыт воспитания верноподданических чувств у казахской знати в XVIII–XIX вв. // Азиатская Россия: люди и структуры империи. Омск, 2005. С. 150, 151; Хан Внутренней Киргиз-Кайсацкой Орды Джангир // Северная пчела. 1844. 25 мая. № 116. С. 464; Харузин А.Н. Указ. соч. Стб. 77).

³⁴ Цит. по: Быков А.Ю. Ханская власть у казахов: звание или должность // Этнографическое обозрение. 2006. № 3. С. 135.

поддерживаемой пятью камергерами, выступал сразу за великими князьями и перед остальной знатью³⁵.

Частыми и многочисленными посетителями петербургских и царско-сельских царских резиденций были члены отстранённых от власти династий Картли-Кахетии и Имеретии. Некоторым из них оказывался столь же благожелательный приём, как и Понятовскому, другим же приходилось довольствоваться лишь «взаимным кратким приветствием». После упразднения монархий в названных государствах и присоединения их к России Александр I желал скрасить неизбежную горечь от этого исторического катаклизма радушными приёмами и вовлечением высокородных грузин в бурную придворную жизнь. В камер-фурьерских журналах первых лет XIX в. многократно зафиксированы их визиты, представления, участие в увеселениях и пиршествах³⁶. А когда в ноябре 1807 г. в столице скончалась вдова Ираклия II Дария (Дареджан), Александр объявил восьмидневный траур и распорядился организовать похороны в Александро-Невской лавре по высшему разряду: в присутствии императорской фамилии и всех придворных, с построением гвардейских и армейских полков вдоль Невского проспекта, по которому везли катафалк³⁷.

Со временем это внимание к выходцам из Закавказья уменьшилось, грузинская высшая аристократия вошла в состав российского дворянства и стала восприниматься как его органичная часть. Потомки Георгия XII получили титул светлейших князей Грузинских. В силу своего высокого царственного статуса члены династии Багратиони продолжали иметь доступ ко двору. Одну из таких персон увидел на императорском балу А. де Кюстин в 1839 г. Он разглядывал её с жадным любопытством и дал полное сарказма карикатурное описание: «Я заметил также старую грузинскую царицу, лишённую более тридцати лет назад своего престола. Эта несчастная женщина влачит свои дни без всяких почестей при дворе победителей... Платье её вызывало общий смех... Я, сознаюсь, не мог оставаться серьёзным, когда увидел голову царицы, украшенную чем-то вроде кивера, с которого ниспадало какое-то чудовищное покрывало. Остальной наряд соответствовал её головному убору, и в то время как все придворные дамы были в платьях с длинными тренами, эта восточная царица появилась в короткой, сверху донизу покрытой вышивками юбке. Она возбуждала смех и внушала страх, до такой степени безвкусен был её наряд»³⁸.

С вассалами из восточных краев неформальные отношения у императоров завязывались нечасто. Исключительным случаем можно назвать обоюдное гостеприимство Петра I и калмыцкого хана Аюки в июне 1722 г. Направляясь на галере по Волге к Каспию, Пётр сделал остановку в Саратове, где ему передали просьбу Аюки о посещении. Вскоре хан, который кочевал неподалёку, прибыл с семьёй и свитой. Их переправили на корабль и устроили двухчасо-

³⁵ См.: Камер-фурьерский церемониальный журнал 1797 года. Январь–март. СПб., 1896. С. 438, 439; Там же. Апрель–июнь. СПб., 1897. С. 143; Там же. Июль–сентябрь. СПб., 1897. С. 591, 706, 719, 737, 1070, 1071, 1078, 1266; Там же. Октябрь–декабрь. СПб., 1897. С. 1207, 1302.

³⁶ См., например: Камер-фурьерский церемониальный журнал 1805 года. Январь–июнь. СПб., 1904. С. 476–179; Камер-фурьерский церемониальный журнал 1811 года. Январь–июнь. СПб., 1910. С. 8, 32, 33; Камер-фурьерский церемониальный журнал 1812 года. Январь–июнь. СПб., 1911. С. 7–10.

³⁷ Камер-фурьерский церемониальный журнал 1807 года. Июль–декабрь. СПб., 1906. С. 319, 320, 326, 330–335, 1150–1153.

³⁸ Кюстин А. Николаевская Россия. М., 2008. С. 123.

вой приём. Гостей представили императрице Екатерине I – спутнице мужа в начавшемся Персидском походе. Пётр предпринял «приём приласкания», по выражению калмыковеда Н.Н. Пальмова: обильно кормил и поил калмыков, выслушивал заверения в преданности, подарил им целую коллекцию медалей, выпущенных в честь побед в недавней Северной войне. Затем спустились на берег и отправились в ставку Аюки. В шатре государя усадили на ханском месте, хан расположился слева от него и угощал чаем с верблюжьим молоком³⁹. Несмотря на независимый нрав этого степного правителя и его временные расхождения с политикой Москвы и Петербурга, память о нём в российском общественном мнении осталась в целом доброжелательная – как о «славном калмыцком хане... известном даже в Китае, ласкаемом Петром Великим, преданным России»⁴⁰.

Всегда с почётом и радушием принимали в столице бухарских эмиров. Те обычно приезжали с сыновьями-наследниками, узбекскими вельможами и с множеством подарков, в том числе всякий раз с породистыми конями. При первом официальном приёме всего посольства, в ожидании императора и императрицы, для гостей устраивалось угощение в «ориентальном» стиле, из сладостей, фруктов и чая. Оно и называлось так, чтобы на них «повеяло родиной» – *дастархан*⁴¹. Бухарский гость объезжал царские резиденции, чтобы нанести визиты членам царствующей фамилии: Царское Село, Павловск, Гатчину... В его честь давались балы и парадные обеды. В Петербурге эмир и августейшая чета постоянно посещали друг друга. То же происходило и во время их летнего отдыха в Крыму⁴². В дневниках Николая II неоднократно встречаются записи: «Эмир Бухарский завтракал у нас один (т.е. без сына. – В.Т.); он хотел побывать у нас запросто и повидать Алексея (цесаревича. – В.Т.)», «В 12¼ поехал к эмиру Бухарскому... Он принимал очень радушно» и т.п.⁴³ Возможно, эмир был рад не только лишний раз засвидетельствовать свою преданность «белому падишаху», но и сменить обстановку, которая окружала его дома. Ведь среди населения эмирата царили разные настроения, и далеко не всегда действия эмира встречали одобрение у мусульманского духовенства и паствы – тёмной фанатичной массы. Кроме самого факта подчинения русским, её раздражал внешний вид Сеид-Абдул-Ахада, любившего носить казачий мундир и обрядившего так же часть своих гвардейцев. К тому же в эмирате развернулось обучение войск военному делу русскими офицерами, по российским уставам, с употреблением всех команд на языке завоевателей⁴⁴.

³⁹ Походный журнал 1722 года. СПб., 1855. С. 42–44, 69, 92; *Батмаев М.М.* Калмыки в XVII–XVIII веках. События, люди, быт. Элиста, 1993. С. 194; *Пальмов Н.Н.* Этюды по истории приволжских калмыков. Ч. III–IV. Астрахань, 1929. С. IV.

⁴⁰ *Леопольдов А.Ф.* О проезде вдовы калмыцкого хана Аюки Дарма Басна через Царицын // Саратовские губернские ведомости. 1850. № 17. С. 64.

⁴¹ То же при приемах хивинских ханов. Правители Хивы были гораздо менее влиятельны, зажиточны и реже выезжали на север. Тем не менее титул хана был выше эмирского. Поэтому при визите посольств из обоих протекторатов аудиенция хивинцам давалась раньше бухарцев (см.: РГИА, ф. 473, оп. 3, д. 369, л. 38 об.).

⁴² Там же, д. 980, л. 2, 3, 6, 9, 10, 33, 34, 38–42.

⁴³ Дневники императора Николая II. Т. II. Ч. 1. М., 2013. С. 169, 611.

⁴⁴ Николай II подарил эмиру тысячу винтовок Бердана и четырёхорудийную конную батарею. Тот не остался в долгу, подарив русскому флоту во время войны с Японией торпедный катер, за что получил от царя звание генерал-майора (*Бартольд В.В.* Указ. соч. С. 424; *Крестовский В.В.* Указ. соч. С. 184; *Логофет Д.Н.* Бухарское ханство при русском протекторате. Т. I. СПб., 1911. С. 232, 252, 253; *Глуценко Е.А.* Указ. соч. С. 281).

Младшего сына он отправил на воспитание в Пажеский корпус в Петербурге, по примеру кавказской и казахской знати. Чтобы не давать повода лишний раз разгореться негодованию на его «обрусение» и слишком тесные отношения с «неверными», эмир отправлялся в петербургский вояж всегда в ночное время.

Имея «техническую» возможность полностью присоединить вассальные владения к основной территории России, правительство не торопилось с этим. Сохранение местных правящих элит и их традиционных административных структур зачастую представлялось более рациональным во внутриполитическом, геополитическом и финансовом отношениях: 1. Облегчалась адаптация присоединённых народов к жизни в пределах России, к её государственным устоям, налоговой системе, объективному доминированию русского этноса, русской культуры и православной религии. 2. Путём включения этнических элит в состав дворянского корпуса и офицерства, в разные уровни управленческой системы достигалось слияние этих элит с общероссийским полиэтническим правящим классом. 3. Господство над покорными правителями повышало престиж царя внутри и вне государства, свидетельствовало о его влиянии и могуществе, оправдывало статус «великого государя» в XVII в. и «императора Всероссийского» в дальнейшем. Присутствие казахского хана на придворном балу у Николая I подвигло А. де Кюстина на философическое размышление о мощи России: «Эта поверженная власть, которая служила рельефом для власти торжествующей, невольно напомнила мне о величии Рима»⁴⁵. 4. Правительство было избавлено от расходов на повседневное поддержание порядка и спокойствия в вассальных владениях и усмирении мятежей, передоверяя это местному владельцу. 5. Некоторые присоединённые регионы находились на довольно низкой стадии социально-экономического развития. Для обеспечения модернизации их хозяйственных и общественных укладов требовались большие средства, а такая перспектива не вызывала энтузиазма у столичных политиков и финансистов. Они находили более практичным, чтобы вассальные монархи сами инициировали и проводили преобразования, не перекладывая расходы на имперскую казну. Однако спешка в этом вопросе не приветствовалась. Так, оценивая культурную и религиозную среду Бухары, Николай II и МИД не желали там радикальных реформ, справедливо опасаясь негативной реакции мусульманских фанатиков. Промедление с преобразованиями позволило бы поддержать авторитет эмира и не создавать ему репутацию «безгласного орудия русской политики» (выражение министра иностранных дел С.Д. Сазонова)⁴⁶. 6. С тех пор как Россия «прорубила окно в Европу», её экспансия в Евразии вызывала настороженность и неприятие у тех, на кого смотрело это «окно». Особенно негодовали англичане, которые в XIX в. вступили в соперничество с Российской империей при разделе Азии. Поглощение Россией независимых государств грозило обернуться тяжёлыми конфликтами. Поэтому в завоёванных странах предпочитали сохранять прежнюю систему власти, поставив их в полную зависимость от русского правительства.

⁴⁵ Кюстин А. Указ. соч. С. 108.

⁴⁶ Тухтаматов Т.Г. Указ. соч. С. 58.